ПАРАШЮТНАЯ ВЫШКА

РАССКАЗ - ВОСПОМИНАНИЕ

Я много лет не был в Баку. Но все, что связано с ним в военные и послевоенные годы, помню хорошо. Встречаясь с друзьями, которых уже столько же, сколько и мне — за сорок, обязательно вспоминаются многочисленные места мальчишеских игр, рискованные походы на свалки военного оборудования, на окраины города, встречи с людьми, которых уже давно нет или живы, но которых уже трудно узнать. Да и родной город я узнаю и не узнаю. Такое ощущение, будто художник, разыскавший свое старое полотно, вдруг решил обновить, осовременить написанное — появились свежие мазки, новые детали, яркие краски, но исчезло главное — своеобразие и дух того времени.

Я стою на Приморском бульваре, и картина, что окружает меня, как будто бы та же — море, зелень, небо, но чувствую, что что-то просочилось через меня и безвозвратно ушло. Время? Оно отодвинуло море, стерло насыщенный нефтью песок, разрушило прогнивший причал и столбы, торчащие из воды, убрало купальню, когда-то буквой «Т» приваренную к берегу, и шаткие мостки яхтклуба.

Теперь все незнакомо: новый причал, широкий двухъярусный бульвар, который сразу не охватишь взглядом, стеклянные павильоны, площадки и каналы — это современное яркие мазки. Но единственная вежа, за которую на мгновение зацепилось мое собственное время, — парашютная вышка.

— Ты когда-нибудь прыгал с этой вышки? — спросил у меня сын. Он — рослый, как все теперешние дети, но тонок и по юношески нетерпелив.

— Прыгал, — отвечал я.

— Ну и как? — он скептически улыбнулся. — Что ты испытывал? Какие ощущения?

— Как тебе объяснить? Пожалуй, сразу и не получится. Просто, я и теперь испытываю это, когда готовлюсь решить для себя что-то важное в жизни.

...Когда тебе нет еще семнадцати, мир, окружающий тебя, ярок и загадочен, и ты уверен, что вошел в него, чтобы разгадать и утвердить себя в нем. Наверное, я очень любил эту девушку, потому что она была красива и добра. Волнистые каштановые волосы до плеч и крупные карие глаза сразу выделяли ее среди сверстниц. И когда мы шли по бульвару, изредка прикасаясь плечами друг к другу, я был счастлив. Но меня настораживали и пугали твердые, решительные взгляды старших парней и мужчин. Она тоже чувствовала эти взгляды и будто успокаивала, беря за руку. Внутренне я каждый раз был готов проявить мужество и защитить нашу дружбу. Обычно мы шли к парашютной вышке, качались на качелях и смотрели, как смелые люди, зависая под куполом парашюта, медленно спускались на землю.

— А ты бы смог прыгнуть? — как-то спросила она.

— Конечно, — не задумываясь ответил я и вдруг понял, что совершил роковую ошибку. Дело в том, что с детства я боялся высоты. Если даже глядел со второго этажа, у меня уже кружилась голова и тошнота подступала к горлу. И еще одно: я был худ и тонок и не соответствовал весу, который требовался прыгуну. Она, видимо, заметила мое замешательство и предложила: — Давай в следующий раз.

— Давай, — с радостью согласился я.

Хотя каждый раз перед свиданием я внутренне готовил себя к прыжку, она как-то ловко вводила меня от парашютной вышки. Но я твердо решил, чем бы мне это ни грозило — прыгну. Я боялся прыжка, но больше всего боялся показаться в ее глазах смешным и малодушным.

И вот настал день, когда, подпоясанный солдатским ремнем, на котором прикручены проволокой недостающие четыре килограмма из свинца, я поднялся на вторую площадку. После подъема ноги дрожали и сгибались как у деревянной куклы, а сердце готово было выпрыгнуть. Над головой — плывущие облака, внизу — простор моря с игрушечными корабличками и люди, кажущиеся шахматными фигурками. Где-то там она.

Когда застегивали парашютные ремни, мне уже было плохо. Кто-то говорил прямо в ухо, что надо делать при посадке, но я ничего не мог понять, слышал, но не соображал. Тело застывало. Думалось только об одном: если не сделаю этот шаг в пропасть, дальше не смогу жить!

Кажется, на какие-то секунды, я потерял сознание, но приземлился благополучно. Когда освободили от парашюта, я двинулся не разбирая дороги, меня качало как утлое суденышко в шторм. Она подбежала, взяла под руку и смотрела на меня огромными испуганными глазами. Видимо, я был не похож на самого себя: спазмы сдавили горло, а ноги не держали тело, подгибались. Я отстегнул ремень, и он грохнулся на землю. Она с ужасом подняла его — и вдруг заплакала навзрыд. Она плакала из сострадания ко мне и чувствуя свою вину.

Такое же сострадание на ее лице я увидел случайно несколько лет спустя в Москве, на экране, когда она дебютировала в фильме «Твое большое сердце». Она играла саму себя. Не знаю, стала ли она профессиональной актрисой. А я пошел работать

крановщиком, вначале на портальные краны, потом на башенные. И уже никогда не испытывал леденящего чувства страха перед высотой.

...Я писал стихи. Когда толстая тетрадь была дописана до последней странички, я понес ее в литературный журнал. Встретил меня приветливо поэт, прекрасный переводчик Абрам Плавник. Тетрадь он сразу положил в свою папку, расспросил о житье-бытье и просил заглянуть через пару дней. Эти два дня я, конечно, жил только ожиданием встречи, гадал, какие стихи могут ему понравиться, а какие он отвергнет сразу. Когда я снова появился в редакции, он улыбнулся, но как-то странно, будто хотел извиниться, но бодро пригласил сестру рядом. Тетрадь моя лежала на столе. Видимо, он только что ее просматривал. Но сразу говорит, о стихах не стал. Он заговорил о профессии литератора. Помнится, рассказывал, как тяжела эта работа, сколько требует знаний и культуры, труда и упорства, а самое главное — поиска самого себя.

— Ваши стихи подражательны, — устало опустил руку на мою тетрадь, — здесь Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Есенин и Вургун. А знаете ли вы таких поэтов, как Ахматова, Пастернак, Цветаева, Симонов и так далее, знакомы ли с зарубежными классиками?

К стыду своему я знал только одного из названных.

— Школьное образование, — продолжал он, — это лишь капля в море. Вам нравится работать крановщиком?

— Нравится, — ответил я.

— Так вот, лучше быть хорошим крановщиком, чем плохим поэтом.

Плохой поэт — это мука на всю жизнь.

— А что мне делать с этими стихами? — наивно спросил я.

Он улыбнулся и погладил меня по плечу.

— Оставьте на память. Когда-нибудь вам будет интересно почитать их.

Из редакции я вышел убитым поэтом. Мне казалось, что я потерял какую-то часть самого себя. Ноги сами привели меня на бульвар, к парашютной вышке. Я сел на парашет лицом к морю, открыл тетрадь и стал читать с самой первой странички. Вырывал стихотворение, узнавал — это под Пушкина, это — под Лермонтова, Маяковского, Есенина, Вургун, комкал и бросал в море. Волны нещадно колотили их о парашет, выпрямляли листки, стирала написанное. Не помню, сколько я просидел, наверное долго, потому что сумерки уже опускались на плечи города. И вдруг за своей спиной я услышал знакомый голос. Говорили два человека о Москве, писателях, о каких-то стихах, которые «завернули» в издательстве.

Я оглянулся и невольно встал. Опираясь на палку, стоял Абрам Плавник, а с ним... Самед Вургун. Я настолько растерялся, что снова поздоровался с Плавником. Он, кажется, тоже был удивлен повторной встрече.

— Вот, — показал на меня Плавник, — русский парень, начинающий поэт. Он глянул на мою уже тощую тетрадку и, видимо, все понял.

— У него сегодня тяжелый день.

— А что случилось? — быстро спросил Самед Вургун.

— Я посмотрел его стихи и сказал, — Плавник на секунду замялся, видимо, искал слово помягче, — что они толстые.

— А ты пишешь только гениальные, — Самед Вургун усмехнулся и обратился ко мне: — Прочитай что-нибудь.

Лицо его со снежными волосами и усталыми покрасневшими глазами мне тогда показалось суровым. Я мгновенно позабыл все свои стихи и, как последнюю надежду, раскрыл тетрадь. В ней оказался один оставшийся листок с четверостишьем.

— «Баку, как люблю я тебя в этот час, — еле ворочался мой картонный язык, — когда сотни огней зажигаются враз, ты — горьшь, словно звезды с небес на ночлег опускаются здесь».

— Было, — сказал Плавник.

— Может быть, — ответил Вургун.

— И рифма никудышняя...

Самед Вургун промолчал, повернулся лицом к городу и показал Плавнику: — Посмотри, ведь это он увидел своими глазами, — а потом мне, — ты только и делаешь, что пишешь стихи?

— Он работает в порту крановщиком, — за меня ответил Плавник.

— Тогда напиши стихи о крановщиках, рабочих, а лучше... рассказ. Получится.

Они ушли, а я остался у парашютной вышки. В море полетело последнее, что оставалось у меня в руках — обложка от тетради. Но в этот вечер я не только потерял, а что-то еще неосознанное — приобрел.

Через год Самед Вургун не стало.

Когда, спустя несколько лет, один из моих рассказов появился в журнале «Литературный Азербайджан», Абраму Плавнику напомнили, что это тот самый парень, которого он просил остаться крановщиком. Плавник отпустил меня, не рассмеялся.

— Значит, Самед был прав...

Рассказы у него получаются.

...Хорошо, когда в родном городе остаются вежи, за которые цепляется твое собственное время.

Виктор АЛЕКСЕЕВ.
МОСКВА.

19 АВГ 1983

Баку (684) 291111
Г. Баку